

саро d'орета ¹⁾. Вообще Карраччи, съ своей школой, много потеряли въ глазахъ моихъ, со вторичнаго пріѣзда въ Болонью: сквознота темныхъ мѣстъ картины замѣнена чернотою, все прочее писано на красномъ грунтѣ, слѣдовательно тяжело и грустно.

~~~~~

XXXVIII.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Начало 1835.)

Батюшка! Долго ожидалъ я отвѣта на то письмо, гдѣ была вложена бумага къ Жуковскому.

Вы мнѣ говорите, что заводится въ Москвѣ рисовальная школа, и о желаніи вашемъ занять тамъ мѣсто учителя,—я истинно радовался бы, еслибы это сбылось. Извѣстите меня, пожалуйста, подробнѣе и немедленно объ этомъ. Кто такіе тамъ члены?—я, можетъ быть, буду имѣть случай просить здѣсь, въ Римѣ, кое-кого о ходатайствованіи по сему дѣлу. По пріѣздѣ моемъ въ отечество, я бы весьма желалъ поселиться въ Москвѣ, какъ для удобнѣйшаго производства предметовъ изъ русской исторіи, такъ и для избѣжанія с.-петербургской Академіи Художествъ, которая со всѣмъ своимъ причтомъ ужасаетъ меня при одномъ воспоминаніи.

Весьма радуюсь, что мнѣ еще на два года отсрочена жизнь, и благодарю васъ и Григоровича за исходатайствованіе,—воспользуюсь симъ краткимъ временемъ, сколь силы позволяютъ. Для копіи фреска подъ названіемъ «Disputa del Sacramento» надобно времени пять лѣтъ, кромѣ тѣхъ двухъ, кои мнѣ теперь прибавили. Слишкомъ непростительно было бы, еслибъ я отъ нея отказался, но чтѣ вы скажете на семилѣтнюю отсрочку?

Векселя все нѣтъ. Это меня заставляеть сомнѣваться объ отсрочкѣ моего пенсіона.

Какъ грустно родиться нищимъ, чувствовать это въ полной степени, и не видѣть ничего впереди, для поправленія своего состоянія!

Работы мои остановились, и я похожу теперь болѣе на движущійся истуканъ, или на скота, получившаго ударъ обуха въ голову.

Скарятинъ былъ ласковъ со мной до послѣдняго пребыванія своего въ Римѣ, обѣщаль мнѣ доставить эскизъ къ Жуковскому и золотыя горы. Но каково же было мое удивленіе, когда по истеченіи трехъ мѣсяцевъ я увидѣлъ мою работу, свернутую по дорожному, въ мастерской Бруни, вмѣстѣ съ прочими вещами Скарятина!

XXXXIX.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ОЦУ.

(Римъ. Весна 1835.)

...На отъѣздъ Корнелиуса, французы разослали въ извѣстные частные дома приглашенія на прощальный обѣдъ, въ замѣнъ того, что нѣмцы дали Вернету, директору французской академіи художествъ въ Римѣ.

Билетъ за входъ стоилъ пять рублей. Зала, самая большая въ Римѣ, гдѣ даютъ обыкновенно концерты, убрана была разными гирляндами изъ всякихъ цвѣтовъ; въ срединѣ противъ хоръ, въ огромной нишѣ, между колоннами, былъ поставленъ на высококомъ пьедесталѣ колоссальный бюстъ Корнелиуса, увѣнчанный лаврами. Столы—украшенные гирляндами, лавровыми и масличными, они тянулись въ четыре ряда вдоль залы; хоръ и подъ-хоры также заняты были ими, и едва умѣщали всѣхъ взявшихъ билеты: художниковъ разныхъ націй, изъявившихъ эту признательность Корнелиусу, было до 200 человекъ! Влѣво, на срединѣ стѣны, былъ навѣсъ изъ цвѣтовъ и лавровъ, — родъ трона съ вензелемъ отъѣзжающаго, подъ которымъ приготовленъ былъ для него почетный стулъ, украшенный золотомъ; нѣсколько же стульевъ стояло около него для принятія самыхъ отличныхъ людей, на лицо находившихся въ Римѣ: по правую сторону сидѣлъ Торвальдсенъ—мужъ, получавшій весьма часто подобную признательность; по лѣвую—Энгръ, нынѣшній директоръ академіи французской; далѣе сидѣли Овербекъ, Рейнгардъ—извѣстный Европѣ классическимъ сочиненіемъ ландшафтовъ, Катель—вѣрный другъ природы итальянской, Деларошъ—нынѣ славнѣйшій историческій живописецъ между

французами. Корнелиусъ вошелъ въ залу послѣдній, и громкое рулоплесканіе всѣхъ, уже сидѣвшихъ, его привѣтствовало; онъ отвѣчалъ поклонами. Въ половинѣ обѣда потянулись всѣ съ бокалами цѣловаться съ отъѣзжающимъ, послѣ чего заняли прежнія мѣста; сидѣвшіе за столомъ у правой стѣны художники, имѣвшіе голоса, начали хоръ,—слова, сочиненныя нарочно для этого праздника и подведенныя подъ напѣвъ старинной національной нѣмецкой пѣсни. Въ срединѣ ихъ пѣсни упоминалось, что въ знакъ ихъ признательности они надѣваютъ ему лавры.

Энгръ, какъ представитель французовъ, предложившихъ сей праздникъ, вдругъ надѣваетъ лавровый вѣнокъ на Корнелиуса, тайно ему поданный Шефферомъ. Корнелиусъ встаетъ съ мѣста при громкихъ рукоплесканіяхъ и поздравительныхъ кликахъ, и остается въ этомъ умильномъ положеніи, со слезами на глазахъ, до самаго окончанія хора; послѣ чего поднявъ вѣнокъ съ своей головы и произнесъ импровизированную на итальянскомъ языкѣ клятву, что онъ вѣнокъ сей, какъ драгоценный даръ признательности всего міра художниковъ, повѣситъ на самомъ лучшемъ мѣстѣ своей мастерской, въ знакъ вѣчной памяти сего славнаго торжества, и проч. Подъ конецъ рѣчи, тронутый до слезъ Корнелиусъ перемѣнилъ голосъ, сбился и смялся, и самое громкое рукоплесканіе и привѣтствіе заключило сіе превосходное мѣсто праздника.

За симъ два нѣмецкихъ поэта, по очереди, декламировали нарочно сочиненныя рѣчи въ похвалу Корнелиуса. Подъ конецъ, г. Флери, душа пиршества, сѣвъ на особомъ стулѣ близъ трибуны, началъ пѣть дишкантомъ, сопровождая звуками гитары, веселыя пѣсни; онѣ всѣхъ заставили смѣяться. Потомъ опять начались громогласныя хоры—нѣмцы поютъ удивительно. Въ это время убрали столы, и вдругъ очутилась посреди 7-ми-лѣтняя хорошенькая дочь Корнелиуса, пришедшая посмотрѣть праздникъ отца. Рукоплесканія и *vivat* при ея появленіи заглушили весь праздникъ—и она убѣжала.

Въ заключеніе воздвигнута была сцена, родъ театральной, въ той огромной нишѣ, гдѣ стоялъ бюстъ Корнелиуса, и подъ флеровымъ занавѣсомъ открывались попеременно лучшія фигуры классическихъ живописцевъ, также одѣтыя и убранныя,

какъ въ оригиналахъ, и каждая выстаивала отъ 5-ти до 10-ти минутъ. Въ заключеніе, такимъ же живо-картиннымъ образомъ представлены были лучшія изъ фигуръ сочиненія Корнеліуса, въ знакъ принятія его въ число классиковъ. Праздникъ окончился въ три часа пополудни. Не правда-ли, что пріятно въ Римѣ?— этого у насъ никогда не бываетъ.

XL.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Сентябрь 1835.)

Къ самымъ именинамъ моимъ получилъ я письмо ваше, отъ 3-го августа. Развернувъ, я увидѣлъ все семейство наше здравствующимъ.

Представьте, я до сихъ поръ еще не посылалъ отвѣта въ Общество— все не доволенъ былъ сочиненіемъ; но будьте спокойны, я на дняхъ его пошлю. Эскизъ мой они получаютъ вмѣстѣ съ картиной «Исусъ и Магдалина», которую къ декабрю мѣсяцу я надѣюсь совершенно окончить, такимъ образомъ удовлетворить всѣхъ и многосложнымъ сочиненіемъ въ маломъ видѣ, и большою картиною показать силы мои въ исполнительній части. Вы говорите, что достаточно формъ благородныхъ, чтобы сдѣлать фигуру Иисуса соотвѣтственной вообразимости. Если бы этимъ въ самомъ дѣлѣ можно было довольствоваться, то моя картина кончена, ибо гармонія линій и правильность рисунка всѣми уже одобрена. Но какъ это не достаточно для большой картины нашего времени, которое требуетъ непременно силы и гармоніи красокъ, и мастерской ловкости кисти, не выходящей за границы строгаго рисунка, и выраженія, свойственнаго каждому предмету! Вотъ эти-то условія, о которыхъ намъ не говорили въ Академіи, меня совершенно теперь приводятъ въ тупь. Написать истинно колоритно бѣлое платье, закрывающее большую часть фигуры въ естественную величину, каковъ мой Христосъ,—право, не легко: сами великіе мастера, кажется, этого избѣгали; я по крайней мѣрѣ во всей Италіи не нашелъ себѣ примѣра. Отецъ истиннаго колорита, Тиціанъ, старался бѣлое платье показы-

вать какимъ-нибудь кускомъ, смѣшавшимся съ платьями другихъ цвѣтовъ. Фрески не могутъ быть примѣромъ, ибо тамъ бѣлое платье суть только отгѣненные рисунки.

Весьма васъ благодарю за свѣдѣнія о дѣлахъ Лапченки; слѣпецъ вѣрно обрадуется симъ извѣстіямъ, и ободрится при отголоскѣ своей славы.

Вы меня изрядно испугали описавъ дѣлю Троицкой церкви ¹⁾—эта ужасная новость ломаетъ голову всякому художнику съ чувствомъ. Я чуть не плакалъ, видя васъ пораженнымъ; но, слава Богу, для васъ, оно не худо кончилось. Бруни ѣдетъ немедленно въ Петербургъ, чтобы захватить кучу работъ или кучу денегъ: его вызываютъ занять профессорское мѣсто въ Академіи. Онъ ѣдетъ, чтобы, закутавшись въ личину любезнаго человѣка и покорнаго подданнаго русскаго, нахватать пенсій, крестовъ, почестей, денегъ, и потомъ искуснѣйшимъ образомъ взять паспортъ и пожелать спокойной ночи воспитавшей его Россіи. Однакожь, вы этого никому не говорите, и если случится ему у васъ быть, то вы будьте съ нимъ какъ съ человѣкомъ порядочнымъ, и даже поблагодарите его за пріязнь ко мнѣ: я съ нимъ живу дружно (дружно по свѣтски — вѣдь вы знаете это слово).

Я бы руки обрубилъ всякому иностранцу-художнику, пріѣхавшему пожирать наше золото, а русскіе, напротивъ, наперерывъ разсыпаются передъ ними, доставляя имъ всевозможные къ тому способы, и, еще позорнѣе, предпочитая своимъ. Нашъ почтеннѣйшій Кипренскій, увѣнчанный лаврами Европы, едва живетъ въ Римѣ.

Я очень радовался, что вы себя утѣшаете знакомствомъ моимъ съ Иорданомъ—онъ свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе.

Мы, молодые художники, весьма должны быть признательны г-ну Тимофееву—онъ объ насъ весьма выгодное эхо распространяетъ въ публикѣ.

¹⁾ Многія изъ картинъ, написанныхъ разными художниками для новаго Троицкаго собора въ измайловскомъ полку, не были одобрены Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, и по Высочайшему повелѣнію замѣнены другими, вновь заказанными.

²⁾ Говорится о статьѣ Тимофеева: „Русскіе художники въ Римѣ“, въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1835, т. XI.

Гордая дѣлаеть рисунокъ съ «Преображенія» Рафаэля, для гравированія. Это дѣло будетъ ему стоить лучшей половины его жизни, если онъ въ самомъ дѣлѣ исполнить его лучше всѣхъ предшественниковъ.

ХЛІ.

КЪ В. И. ГРИГОРОВИЧУ.

(Римъ. Осень 1835.)

Удобный случай послать счета такъ заторопилъ меня своею поспѣшностью, что я не успѣлъ совершенно написать что-либо въ Общество, и потому прошу васъ покорнѣйше подождать представленіемъ сихъ бумагъ въ Комитетъ, до перваго моего туда отчета.

Весьма сожалѣю, что не чаще получаю отъ васъ письма. Жаль, что нельзя въ моемъ отчетѣ написать совершенно обо всемъ, мною видѣнномъ. Я бы сказалъ тогда о бывшей выставкѣ Кипренскаго, о двухъ картинахъ Маркова; но какъ приспособить образъ доклада моего? — какъ сдѣлать, чтобы критика не оскорбляла самолюбіе художника?

Теперь здѣсь всѣ говорятъ о выставкѣ Кипренскаго. Говорить вамъ о похвалахъ неумѣстно, ибо и вы, и всѣ русскіе, знаете достоинства сего художника; довольно сказать, что новыя его произведенія, какъ-то: «Сибилла», «Неаполитанскій маринаро», «Цыганка при огнѣ», русскіе и другіе считаютъ неуступающими портретамъ: его отца — Давидомъ, старика Шереметьева, молодой Флоры, кои выставлены тутъ-же. Изъ новыхъ русскихъ художественныхъ произведеній, отличаются также картины Маркова: «Юдиѣ, въ побѣдоносномъ восторгѣ, благодарящая Бога», и «Черкешенка, защищающая своего отца отъ орла». Весьма много имѣютъ достоинства головы женскія, написанныя въ лучшемъ стилѣ Доменикино. Жаль, что художникъ не можетъ продолжать трудиться въ Римѣ такимъ образомъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ...

XIII.

ВЪ КОМИТЕТЪ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНІЯ
ХУДОЖНИКОВЪ.

Отъ пенсіонера Александра Иванова покорнѣйшее донесеніе.

Римъ. Декабря 28, 1835.

Признательный къ почт. Общ. за щедрое покровительство двукратнымъ производствомъ пенсіона, мнѣ оказаннаго, я весьма сокрушаюсь, что не въ состояніи былъ явить ему опытъ моего прилежанія и усердія такъ скоро, какъ то ему было желательно. Теперь, кончивъ картину мою «Спаситель передъ Магдалиною въ вертоградѣ», слѣшу представить оную взорамъ и суду моихъ покровителей. Зная ихъ ко мнѣ строгость, чувствуя сильно мою неисправность передъ ними и слабость моего таланта, я прихожу въ робость отъ справедливости ихъ приговора, и нахожу себя совершенно безотвѣтнымъ. Но, при всемъ моемъ безпокойствѣ, я питаюсь надеждою, что великодушное сословіе, объявившее себя покровителемъ художниковъ, быть можетъ, будетъ снисходительно къ своему питомцу, который еще не успѣлъ отличить себя блистательнымъ произведеніемъ таланта; по крайней мѣрѣ (онъ) можетъ, не обинуясь, сказать, что, во все время пребыванія своего въ Италіи, не употреблялъ во зло данныхъ ему способвъ, изыскивалъ всѣ средства для изученія своего искусства.

При сей картинѣ моей, имѣю честь представить моимъ покровителямъ еще эскизъ другой предполагаемой картины моей: «Явленіе въ міръ Мессіи».

Сей предметъ, занимавшій меня съ давняго времени, сдѣлался единственною моею мыслію и надеждою, и я чувствую въ себѣ непреодолимое желаніе привести оный въ исполненіе. Приступлю къ производству сей новой моей картины, въ кроткой надеждѣ, что высокіе мои покровители мнѣ въ томъ не воспрепятствуютъ. Во всякомъ же случаѣ мои труды, время и способности принадлежатъ имъ. Они теперь располагаютъ мною. Они увидятъ и распредѣлятъ: что я долженъ, что могу, или что способенъ сдѣлать.

По предписанію Комитета Общества, я являлся къ г. Висконти, не одинъ разъ показывалъ ему мои труды, и отъ него, какъ отъ повѣреннаго, почтеннѣйшій Комитетъ узнаеть всю истину.

XLIII.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Начало 1836.)

Батюшка! Сердце мое раздиралось при чтеніи письма за № 1. Въ немъ все еще слышны отголоски или слѣдствія прошедшихъ моихъ проступковъ. Теперь я скучень, или, слѣдовательно, дѣятеленъ не изъ страсти къ благородному искусству, но потому единственно, чтобы что-нибудь дѣлать. Сколько разъ просилъ я Бога избавить меня отъ жизни, но нѣтъ,—видно, что грусть навсегда сестра моя. Но, при всемъ томъ, мнѣ весьма не хотѣлось бы ѣхать въ Петербургъ, или видѣть тѣхъ людей, которые нѣкогда вооружали даже и меня противъ васъ. Скажите Василью Ивановичу Григоровичу, чтобы поговорилъ обо мнѣ съ Жуковскимъ. Если сбудется немедленно все то, что сей послѣдній обѣщаль мнѣ,—восторженный удачею, всѣ силы приложу справиться трудами моими съ колоссальнымъ моимъ предпріятіемъ. Не забудьте-же сказать объ этомъ Григоровичу. Пожалуйста, батюшка, не теряйте изъ виду пріѣздъ свой ко мнѣ въ Римъ. Ахъ, еслибъ это сбылось!

Лапченко получилъ черезъ меня письмо отъ родителей своихъ, за что несказанно благодарить васъ. Представьте: большая половина письма его есть инструкція, какъ должно себя вести,—пишетъ кто-то, за незнаніемъ грамоты, изъ домашнихъ. О инструкціи!! Вы радуетесь, что Брюлло перемѣнился со мною обращеніемъ. Перемѣна его только на одинъ день. Впрочемъ, это все равно. Онъ несчастенъ, ибо не можетъ быть никогда ни добрымъ, ни спокойнымъ. Росписку займа я не рѣшаюсь послать къ вамъ въ простомъ письмѣ, и думаю, что и безъ нея вы можете получить деньги. Удивляюсь я безсовѣстности его брата!

Ахъ, еслибъ вы знали, какъ трудно согласиться мнѣ на присылку къ вамъ рисунковъ съ моихъ композицій, ибо я самъ ни однимъ изъ нихъ о сю пору недоволенъ, а особливо запрещеннымъ, т.-е. «Появленіемъ Мессіи».

Лапченко никогда не будетъ болѣе художникомъ—онъ рѣшительно потерялъ глаза. Вотъ состояніе, въ сравненіи съ коимъ я счастливъ!

Ахъ, пожалуйста, извѣстите меня, скептика, состоялось ли бракосочетаніе сестры моей Маріи Андреевны.

Я боюсь, чтобы изъ сего письма не заключили, что я безпорядочно мыслю, ибо отвѣты въ немъ отрывками поставлены, такъ что, кто не знаетъ, что я столь мало имѣю времени обрабатывать письма, то тотчасъ заключить, что я мыслю безпорядочно.

Итакъ, вы опять почти безъ работы. Охъ, какъ мнѣ грустно! Про меня начинаютъ здѣсь говорить, что разговоръ мой имѣетъ тонъ всегда какой-то грусти, и что такового разбора люди неспособны бывають къ искусству. Варвары люди!

Сестра¹⁾, душа моя, учись и учись прилежно,—можетъ быть, ты будешь счастливѣе меня. Прощай, и пиши ко мнѣ, вмѣсто: вы—ты, если не хочешь меня обижать.

Я выставилъ картину въ Калитоліи — тамъ члены Общества хотѣли купить у меня ее за 1000 скудъ. Скажите, пожалуйста, это тѣмъ, которые, ведя свой родъ отъ русскихъ измѣнниковъ при Годуновѣ, находятъ удовольствіе все русское порочить, и безславить всякаго, желающаго добра Россіи.

Матушка! Неужели вы можете обижаться тѣмъ, что въ одномъ изъ пятидесяти или болѣе писемъ забылъ написать къ вамъ особенную строчку. Вы знаете, что я съ колыбели и до сихъ поръ воспитываюсь только бѣдами; слѣдовательно, можете себѣ представить, какъ прискорбно бываетъ получать непріятности такого рода, которыя могутъ и не быть, если мы сами того захотимъ.

Засвидѣтельствуйте мое почтеніе тѣтушкѣ, и т. д.

---

¹⁾ Обращеніе къ другой сестрѣ, Екат. Андр.

XLIV.

ВЪ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

(Римъ. Іюнь 1836.)

Не довольствуясь замѣчаніемъ и одобреніемъ извѣстныхъ художниковъ на мою картину «Иисусъ съ Магдалиною», нарочно приглашенныхъ въ мою мастерскую, и въ разныя времена дѣлаемая, я рѣшился выставить ее публикѣ, и тутъ, сколько можно было замѣтить, картина моя не терялась, стоя въ ряду пестрыхъ картинъ *Tableaux de genre*, которыя, какъ издающіяся въ глаза въ первыхъ, болѣе обольщали глаза римской публики, нежели тѣ вещи, гдѣ нуженъ глазъ воспитанный и умственное направленіе, чтобы постигать ихъ и, слѣдовательно, постоянно наслаждаться. Итальянецъ, усталый, истощенный надъ всѣмъ высокимъ и пріятнымъ, ищетъ теперь легкихъ, модныхъ игрушекъ. Это, конечно, удѣлъ всякой отцвѣтшей націи. Знаюки, съ именитыми художниками, составляли хотя малую, но весьма полезную часть публики; ихъ-то приговоръ любопытенъ, но слишкомъ бы было для меня безприлично докладывать вамъ объ ономъ.

Вотъ уже мѣсяць, какъ я отправилъ большую картину мою въ Ливорно, вмѣстѣ съ сверстникомъ моимъ Марковымъ, (пославшимъ картину свою) представляющую «Фортуна и Нищаго», и (съ) принадлежащимъ Россіи художникомъ Бруни, (отправившимъ посылку съ) превосходными вещами, коего вы, конечно, не поставите въ сравненіе со мною. Пятнадцать-ли лѣтъ быть въ Италіи, или пять лѣтъ—великая разница!

Въ посылкѣ эскиза я остановился, ибо теперь имѣю въ немъ крайнюю нужду, начавъ большую мою картину, гдѣ многія части удержаны такъ, какъ они въ эскизѣ находятся, и признаюсь вамъ, что мнѣ бы весьма не хотѣлось, что бы прежде окончанія ее видѣли, ибо таковое предвареніе охладитъ ваше вниманіе къ настоящему дѣлу. Но какъ это сдѣлать; когда я уже безразсудно столько разъ обѣщался прислать вамъ эскизъ мой? Прошу подумать, и если въ глазахъ вашихъ покажутся важными мои причины, или если я становлюсь какимъ-то обманщикомъ, то при первомъ отъ

васъ намекъ я пришло къ вамъ съ курьеромъ русскимъ не только помянутый эскизъ, писанный масляными красками, но и рисунокъ съ производимой уже картины, гдѣ если и будетъ перемѣна, то самая незначущая.

XLV.

КЪ ШЕВЫРЕВУ ¹⁾.

Римъ. Юня 24, 1836.

Радѣя къ возможному распространенію славы господина Бруни, мы, художники, передъ отъѣздомъ его изъ Рима (что было 31 апрѣля) предложили ему напечатать въ какомъ либо изъ отечественныхъ журналовъ разборъ его картины «Мѣдный змѣй», помѣщенный въ здѣшнемъ журналѣ подъ названіемъ «Тиберино», первая треть коего уже извѣстна Бруни. Онъ съ чувствомъ благодарности согласился на наше предложеніе, а мы, зная вашу къ нему привязанность, рѣшились просить васъ всепокорнѣйше произвести въ дѣйствіе намѣреніе наше. По отличному вашему знанію языка итальянскаго, мы совершенно увѣрены, что статья сія будетъ передана во всей своей точности и силѣ. Намъ бы также весьма пріятно было, еслибъ сей переводъ появился въ русскомъ журналѣ прежде приѣзда Бруни въ Петербургъ, такъ чтобы это было и для него самого неожиданно и ново.

Остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ и совершенною преданностію къ услугамъ всегда готовый

Александръ Ивановъ.

XLVI.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. Лѣто 1836.)

Да, еще, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, къ вамъ просьба, хотя не столь важная, какъ первая, однакожъ вы бы

¹⁾ Письмо это было напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1878, т. II.

разодолжили меня ея исполненіемъ. Мы отправляемъ отсюда Кипренскаго, или готовимъ ему дать прощальный обѣдъ, и хотѣли бы, чтобы онъ былъ болѣе ознаменованъ, чѣмъ тотъ, что дали мы Бруни. На сей конецъ мы собираемъ теперь деньги на серебряный стаканъ, кругомъ коего будутъ вырѣзаны имена тѣхъ, кои желаютъ сего; онъ будетъ стоить около десяти скудъ; мы его внезапно, при первой бутылкѣ шампанскаго, ему представимъ, какъ знакъ нашей признательности и уваженія. Но этого мало. Къ бюсту Бруни были приставлены стихи на итальянскомъ языкѣ, которые въ краткихъ словахъ много выражали. А истинно русскому Кипренскому, поль-вѣка употребившему, чтобы поставить имя русское въ ряду классическихъ живописцевъ, никто и ни слова не хочетъ сказать! Стыдясь такового поступка, я прибѣгаю къ вамъ: сочините что-нибудь въ прозѣ. Вы знаете Кипренскаго, какъ перваго изъ русскихъ художниковъ, сдѣлавшагося извѣстнымъ Европѣ; знаете, что онъ причиною, что нынѣшніе пенсіонеры получаютъ, вмѣсто шестисотъ рублей, — три тысячи; знаете, можетъ быть, и другія его заслуги, и потому можете составить рѣчь, сказать которую, если не будетъ охотниковъ, то, можетъ быть, и я подымусь. Прощайте.

~~~~~

XLVII.

ВЪ КОМИТЕТЪ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

Отъ пенсіонера Александра Иванова покорнѣйшее отношеніе.

Римъ. Іюля 10, 1836.

Имѣю честь извѣстить высокопочтеннѣйшій Комитетъ, что уже два мѣсяца тому, какъ я отправилъ въ С.-Петербургъ, черезъ Ливорно, картину мою «Спаситель передъ Магдалиною», дабы ей (картинѣ) быть представленной на судъ моихъ высокихъ покровителей и всей публики. Могу ли льстить себя надеждою, что великодушные мои благодотворители будутъ ко мнѣ снисходительны, и пощадятъ меня

отъ справедливаго суда и укоризнѣ за столь медленное и къ тому-же несовершенное производство моей картины, чему причиною было не нерадѣніе мое, но единственное желаніе образовать надъ нею стиль мой по рисунку и живописи.

Прошу всепокорнѣйше у моихъ покровителей еще одной милости: позволить мнѣ на малое время удержать эскизъ мой «Явленіе въ міръ Мессіи», который я обѣщаль-было переслать изъ Рима въ Петербургъ. Такъ какъ я началъ уже съ се-го эскиза картину, то имѣю въ немъ крайнею необходимою.

~~~~~

XLVIII.

КЪ О Т Ц У.

(Римъ. Іюль 1836.)

Батюшка! Письмо ваше, съ жестокой новостью, меня до слезъ поразило. Я тужилъ и тужу теперь, разбирая письмо ваше, но что пользы тужить? Марью Андреевну намъ не воротить, а въ памяти нашей она никогда не умалится. Припоминая любезнѣйшую сестрицу, съ сокрушеннымъ сердцемъ мы будемъ въ это время какъ бы съ нею. Два портрета, съ нея сдѣланные мною, вы пожалуйста поберегайте, а особливо рисованный въ книгѣ. Онъ хотя въ каррикатурѣ, но похожъ. За два дня передъ появленіемъ письма вашего, я получилъ письмо изъ Петербурга, писанное не вашею рукою. Я такъ этого конверта перепугался, что не зналъ, куда дѣваться, и пришелъ въ себя черезъ часъ, что было во время ежедневнаго ужина моего съ барономъ Врангелемъ, которому, какъ отличнѣйшихъ свойствъ человѣку, вотъ уже два года, какъ открыто мое сердце со всѣми его движеніями. При немъ я развернулъ испугавшее меня письмо, и какъ обрадовался, что оно не отъ васъ! Оно было отъ П. Г. Ободовскаго, нашего русскаго литератора, путешествовавшаго нѣкогда со мною, коему теперь я поручаю извѣстить васъ, что это письмо посылаетъ къ вамъ черезъ курьера изъ Рима, а не по почтѣ; слѣдовательно, оно ничего не будетъ стоить. Съ симъ-же курьеромъ посылаю отчетъ мой въ Общество.

Вотъ вамъ эскизъ—прошу его никому не показывать. По-

смотрите его прежде хорошенько, а потомъ дочитайте письмо. Я бы хотѣлъ, чтобы безъ рассказовъ были понятны мысли, въ немъ помѣщенные. Иоанна я представляю съ крестомъ, чтобы каждый вдругъ понималъ, что это Иоаннъ—ясность есть не послѣдняя добродѣтель въ живописномъ сочиненіи,—а его мантія для того, чтобы дать ему видъ важности, какъ главной фигуры. Я ее (мантію) дѣлаю, впрочемъ, какъ бы вретичемъ, то есть самую грубою, какую нашивали пророки израильскіе, въ знакъ взятія на себя грѣховъ народа Божія. Сзади Иоанна—ученики его, изъ которыхъ нѣкоторые были впоследствии Христовыми. Петра тутъ не было. Въ этихъ минутахъ я представилъ подлѣ Иоанна Крестителя молодого Иоанна, апостола и евангелиста, а далѣе—Андрея, брата Петрова; я постараюсь обоимъ имъ дать типы, избрѣтенные Леонардо-да-Винчи въ «Вечери тайной». Послѣдній стоитъ, съ чувствомъ, Наанаиль («отъ Вивавара можетъ ли чтѣ добро быти»); его хотя и не было тутъ въ самомъ дѣлѣ, но вольность художника въ этомъ случаѣ должна пересилить педантическую точность, тѣмъ болѣе, что я увѣряю никого не хочу, что это именно Наанаиль. Онъ, какъ жется, тутъ будетъ дѣлать противоположность между живымъ чувствомъ трехъ другихъ учениковъ Иоанна. На этой сторонѣ картины стоитъ въ водѣ дѣдъ со внуками; далѣе молодой человекъ, входящій въ воду, оглядывается къ громкому гласу, вопіющему въ пустынь, а еще далѣе, за вѣтвями, нѣкто остался въ прежнемъ чувствѣ кающагося—для объясненія прошедшей минуты. Теперь обратимся къ другой половинѣ картины, и начнемъ опять идти отъ фигуры Иоанна. На дальнемъ планѣ два мытаря: одинъ, занятый горькимъ раскаяніемъ, ничего не слышитъ; другой оглянулся на голосъ Иоанна. Мытарское ихъ состояніе можно объяснить отдѣлкою головъ, то есть поискать выраженія самаго мошенническаго,—это, конечно, слишкомъ мудрено для живописца, когда онъ не имѣетъ прибѣжища къ костюмамъ. Далѣе—путешественникъ и грѣшникъ кающійся, сидящій, по обычаю восточному, съ растрепанными волосами, засыпанными прахомъ, и въ разорванной рубахѣ,—оба они заняты настоящею рѣчью Иоанна. Еще правѣе—сынъ, исполненный живымъ любопытствомъ видѣть Мессію, бросился, однакоже, прежде, съ возможною осторожностью,

помочь приподнять престарѣлаго отца своего, для коего царство небесное есть уже единственная отрада. Въ сію минуту старикъ вслушивается въ слова Іоанна съ умиленіемъ, а сынъ ищетъ глазами Мессію. Потомъ, чтобы избавиться монотонности мужчинъ (которые должны быть, конечно, главными, ибо у евреевъ женщины занимаются только домашнимъ бытомъ), я представляю на второмъ планѣ молодую дѣву, коей помогаютъ снять платье двѣ другія пожилыя женщины; всѣ онѣ въ эту минуту тоже заняты словомъ Іоанна, хотя для нихъ, какъ для женщинъ, не совсѣмъ понятнаго. Этотъ группъ даетъ маленькую грацію картинѣ. Далѣе молодой человѣкъ, остановившійся надѣть рубаху, кажется, хочетъ вскочить, какъ есть, съ своего мѣста, чтобы скорѣй привѣтствовать Мессію; еще потомъ молодой человѣкъ, въ чисто національномъ еврейскомъ (костюмѣ), вслушивается въ рѣчь Іоанна—я бы его, какъ уже выкрестившагося, хотѣлъ сдѣлать какъ-бы вдохновеннымъ. Потомъ, на первомъ планѣ, опять молодой человѣкъ, съ кѣмъ-то изъ своихъ близкихъ, живо всталъ съ полу, чтобы видѣть грядущаго; платья, упاداющія съ нихъ, доказываютъ ихъ прошедшее дѣйствіе. За ними левиты и фарисеи; изъ нихъ—нѣкоторые въ неистовомъ любопытствѣ смотрятъ на Іисуса; другой мирно улыбается Іоанновымъ словамъ; третій смотреть въ общую цѣль съ окаменѣлымъ сердцемъ, а четвертый готовъ вѣрить. Они всѣ будутъ отличатся костюмами. Далѣе народъ, идущій сюда-же; между ними есть и воины. И наконецъ, самъ Мессія, на послѣднемъ планѣ.

Вотъ описаніе всего сочиненія.—Критикуйте!

Копія моя съ Тиціана «Взятіе на небо Божьей Матери»—вышиною одинъ аршинъ и шириною 14 съ половиною вершковъ, и заключаетъ въ себѣ одну середину сей картины, безъ апостоловъ и Бога. Всѣ весьма довольны ею—у меня ее покупали, однакожь я ее никому не дамъ. Бѣдный Иванъ Артемьевичъ! Какъ онъ, я думаю, испугалъ всѣхъ своихъ домашнихъ.

Вы хорошо отвѣтили Григоровичу, но въ самомъ дѣлѣ—нельзя мнѣ будетъ окончить картину «Появленіе Мессіи» на мой счетъ. Я буду трудиться, однако-же, сколько можно, а тамъ, что Богъ дастъ.

Неужели такъ дорого стѣитъ золотая рама для моей картины—300 руб.? Если нельзя ее имѣть за меньшую цѣну, и если Общество не захочетъ оную (раму) сдѣлать на свой счетъ, то закажите золотые брусья. Прошу васъ пріискать для ея выставки полутонную залу, съ высокимъ свѣтомъ, безъ рефлексій, и затянуть грубымъ зеленымъ полотномъ, со всѣхъ сторонъ отъ рамы, на аршинъ, такъ чтобы не беспокоили ее никакія картинки. Объ этомъ я буду просить Григоровича, а вы о семь же предметѣ попросите Бруни, который вѣрно не откажетъ это сдѣлать, ибо мы съ нимъ были весьма дружны во все пребываніе (его) въ Римѣ. Я ему далъ письмо къ вамъ; онъ васъ уважаетъ и любитъ, будьте съ нимъ знакомы,—онъ человѣкъ въ самомъ дѣлѣ весьма порядочный.

XLIX.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

(Римъ. Осень? 1836.)

...Сіе представленіе должно располагать зрителя къ благоговѣйному и отрадному испугу. Умиленіе ожидавшихъ я бы хотѣлъ выразить въ разныхъ видахъ. Стоящіе подлѣ Іоанна Крестителя ученики изумлены его словомъ; одинъ изъ нихъ, Іоаннъ, который послѣ былъ любимымъ апостоломъ Іисуса и евангелистомъ, какъ моложе, даровитѣе и невиннѣе, съ живостью подвигается, чтобы выслупась рѣчь Іоанна. Тутъ вдова схватилась встрѣчать Іисуса. Преклонныхъ лѣтъ женщина, въ испуганномъ любопытствѣ, столкнула записывающаго слово Іоанна; далѣ блудница, скорбящая о грѣхахъ своихъ, суетной рукою ищетъ сбросить хламиду, печально ее закрывающую (по обычаю того времени); возмужалый достаточный еврей, слушающій слово Іоанна, ищетъ скважину между суетной толпой, чтобы увидѣть грядущаго Мессію. Юродивый старикъ, обтирающійся грѣшникъ и юноша уставили взоры свои слѣдить за движеніемъ и словами Іоанна.

Правѣе, кающійся повергся на землю, столь сильно, что общая суета не въ силахъ отвлечь, отъ настоящей минуты,

его покаянія. Впереди обувающійся, достаточный изъ слушающихъ, съ испугомъ обратился къ почтенному старцу, подлѣ его сидящему, коего сладкое вниманіе обращено къ утѣшительному слову Іоанна.

На возвышенномъ отдаленіи стоятъ саддукеи, и спуганные словомъ Іоанна; далѣе, за каменьями, разбиравшіе слово Іоанна встрепенулись настоящимъ его положеніемъ; еще далѣе дряхлый пустынный, опираясь на руку молодого человѣка и идя къ Іоанну, остановился (передъ) внезапнымъ колебаніемъ всѣхъ слушающихъ; еще далѣе вдова, закутавшись въ хламиду, распростертая въ прахѣ, не видитъ и не слышитъ общаго волненія, за значительнымъ разстояніемъ, и, наконецъ, самъ Мессія, сію минуту показавшійся изъ-за ближайшаго куста, грядетъ къ ожидающимъ его.

На лѣвой сторонѣ, внизу картины, выскакивающіе изъ воды спѣшать увидѣтъ имъ предсказаннаго Искупителя ¹⁾.

Л.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Сентябрь 1836.)

Благодарю васъ за подробное описаніе о принятіи Брюлло въ Петербургѣ. Какъ жаль, что ничего мнѣ не сказали о Бруни; не говорите, что онъ въ мирѣ съ Брюлло? Странно, что ни слова нѣтъ въ вашемъ письмѣ о Вернетѣ. Этого для насъ художникъ весьма важный: мы въ настоящемъ положеніи можемъ только надѣяться на благородное и безкорыстное сердце этого француза, и на предстательство его у Государя Императора.

Вы знаете о характерѣ Брюлло и Бруни, и потому можете увѣриться въ моихъ словахъ. Что-то говорятъ о моей картинѣ

¹⁾ Это описаніе очень вѣрно передаетъ первую мысль картинны, какъ она выражена въ первоначальныхъ эскизахъ, изъ которыхъ одинъ (писанный масляными красками) находится у Д. П. Боткина, въ Москвѣ, а другой (рисованный карандашемъ)—у П. М. Третьякова, также въ Москвѣ.

«Иисусъ съ Магдалиною»? Я полагаю, что она сдѣлалась жертвою мщенія Брюлло. Бруни, говорятъ, съ нимъ въ мирѣ; Бруни—человѣкъ слабый, который будетъ зависѣть отъ ума Брюлло.

Въ будущемъ письмѣ вы меня извѣстите обо всемъ подробно: о дѣлахъ Бруни, о мнѣніи вашемъ объ его картинахъ, и о другихъ любопытныхъ новостяхъ, какія случаются.

Вы разсудили очень хорошо на-счетъ Сережи. Въ самомъ дѣлѣ, пусть онъ занимается науками, пусть еще разъ попробуетъ свое счастье быть принятымъ въ Корпусъ путей сообщенія, а тамъ, если не удастся, то уже пустимъ его въ Академію Художествъ. Меньше всего можно надѣяться на меня въ отношеніи воспитаній художественныхъ, ибо, кто знаетъ, буду-ли я жить въ Петербургѣ о его пору,—я представляю себѣ это только въ самомъ крайнемъ положеніи.

Теперь приступаю къ разбору вашему на мой эскизъ «Появленіе Мессіи». Изъ письма вашего видно, что вы торопились замѣчаніями. Вы видѣли изъ моихъ словъ, что картина начата, и боялись опоздать, а я скажу, что лишь бы были счастливыя и глубокия мысли.

Вы говорите: не должно допускать въ сочиненіи картины престарѣлыхъ людей, по причинѣ ихъ безсилія путешествовать въ пустынѣ. А развѣ въ пустынѣ было это дѣйствіе? «Сія въ Виеаварѣ быша обонъ поль Іордана, идѣже бѣ Іоаннъ крестя», говоритъ Іоаннъ евангелистъ въ первой главѣ, въ концѣ втораго зачала. Напротивъ, старцы въ древности были гораздо болѣе чтимы, чѣмъ теперь, безъ нихъ ничего нигдѣ не начиналось важнаго, они и теперь въ синагогахъ имѣютъ видъ начальниковъ; съ другой стороны, взойдите вы въ церковь, кто болѣе всѣхъ молится, какъ не старики.

Если вы прочтете первую главу Евангелія Іоанна, то увѣритесь, что Іисусъ долженъ бытъ одинъ совершенно. Учениковъ Іисусъ приобрѣлъ послѣ сего путешествія.

На прочія ваши замѣчанія я не могу еще отвѣтить, ибо занимаюсь теперь ими, а какъ только устроюсь съ перемѣнами сочиненія моего въ картинѣ, то не премину вамъ прислать чертежъ. Между тѣмъ прошу васъ, если придетъ вамъ что на мысль къ пополненію моего предмета, или къ улучшенію, то вы мнѣ оное сообщите.

Я ѣздилъ за нѣсколько миль отъ Рима для написанія этюдовъ для околичности, которую теперь почти привелъ въ порядокъ. Не легко сочинить приличный ландшафтъ, а еще труднѣе сочинить его отдѣлку. Портретнымъ образомъ работать ландшафты гораздо легче, чѣмъ идеальнымъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ изъ Италиі должно переселиться въ Сирійскія горы (все, однакъожъ, это удобнѣе, чѣмъ дрожать отъ 25 град. мороза и думать о климатѣ Мертваго моря).

II.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Октябрь 1836.)

Батюшка!

Я до сихъ поръ не могу привыкнуть къ письму вашему отъ октября 6-го. Я его читалъ всегда съ самымъ живымъ удовольствіемъ. И представляю себѣ все о сію пору сномъ. Кто бы могъ думать, чтобы моя картина «Иисусъ съ Магдалиною» производила такой громъ? Сколько я ее знаю, она есть начатокъ понятія о чемъ-то порядочномъ. Но какъ я доволенъ, какъ я доволенъ, что вы радуетесь, что въ восхищеніи и Совѣтъ, и президентъ! Вы говорите, что мнѣ продолжить хотять пенсіонъ, для картины «Появленіе Мессіи». Это есть единственное мое желаніе. Помоги, Господи! Какъ я радъ, что Общество мною довольно. Да правда ли это? Я привыкъ видѣть только выговоры со стороны моихъ покровителей. Попросите Василія Ивановича, если можно, поскорѣй написать ко мнѣ письмо, увѣрьте его, что для меня выше всѣхъ наградъ слышанное довольство Общества Поощренія Художниковъ, которому всѣмъ обязанъ. Радуюсь также довольству Академіи. Но прошу меня извинить, мнѣ все какъ-то это кажется невѣроятнымъ, страннымъ. Васъ, какъ наставника искусству, я долженъ бы благодарить во первыхъ, но, если позволите мнѣ замѣтить, вы уже слишкомъ хвалите мою картину. Я въ вашихъ словахъ вижу болѣе отца, чѣмъ безпри-

страстнаго судью. Какъ жаль, что меня сдѣлали академикомъ: мое намѣреніе было никогда никакого не имѣть чина, но что дѣлать, отказаться отъ удостоенія—значить обидѣть удостоившихъ. Однакожь я, можетъ быть, попробую объ этомъ наметнуть Григоровичу.

Вы просите извѣстить о выставкѣ римской, какъ были приняты моя и Маркова картины. Скажу вамъ—теперь публикѣ римской болѣе нравится произведеніе Подести: во первыхъ потому, что Подести римлянинъ, а потомъ, что сюжеты его взяты изъ итальянской исторіи. На мою картину смотрѣли болѣе художники: Торвальдсенъ въ особенности объявилъ всѣмъ свое о ней довольство. Это лестно! Заслужить похвалу Торвальдсена не легко. Купить ее нельзя ни деньгами, ни подлостью. Марковъ выпросилъ напечатать похвалу своей картинѣ въ итальянскихъ журналахъ, я ея не читалъ; онъ это сдѣлалъ, однакожь, потому, что цензура его святѣйшества царствующаго папы не позволяетъ выставлять въ публичной залѣ голыхъ женщинъ. Такимъ образомъ Марковъ обнародовалъ о своей картинѣ, показывалъ ее въ своей мастерской. Скажите по истинѣ, какъ она вамъ кажется? Тутъ замѣчали, что она похожа на дамскую живопись, т.-е. на робкую, безсильную. Свѣтло-сѣрый ея тонъ казался многимъ какимъ-то стѣннымъ клеевомъ. Говорили, что это сочиненіе сумасшедшее въ отношеніи мыслей. Къ чему тутъ Крыловъ, самъ Марковъ, драгуны Кампидолія, сфинксы, Наполеонъ и проч.? Гораздо бы было лучше, еслибъ онъ представилъ, вмѣсто этого,—все то, что Крыловъ говоритъ передъ этой минутой въ баснѣ. Замѣчаютъ, что это сочиненіе чисто академическое въ отношеніи положенія фигуръ: Фортуна подняла лѣвую руку, чтобы открыть обѣ груди и вывернуть бокъ. Она бокомъ близится къ нищему, чтобы быть передомъ къ зрителю. Какъ ей не ловко летѣть, а еще не удобнѣе сыпать изъ рога, въ положеніи, ей данномъ г-мъ Марковымъ! Подъ ногой у нея, вмѣсто колеса,—мыльной пузырь.

Есть ли въ этой картинѣ что-нибудь стильное? Отзывается ли она Италией? Ручается ли она за изученіе и прилежную наглядку мастеровъ пятнадцатаго столѣтія, на коихъ мы присланы сюда учиться? Но полно объ Марковѣ, онъ мой

соперникъ, и я не долженъ много о немъ говорить. Лебедевъ попалъ на одну доску съ нимъ: въ его ландшафтахъ не нахожу характера итальянскаго; трудно повѣрить, чтобы манеръ писать, имъ принятый, вывелъ его на классическую дорогу, тѣмъ болѣе, что въ немъ никакой искры нѣтъ—фантастическаго, идеальнаго, изобрѣтательнаго.

Это письмо я отправляю съ курьеромъ, который ѣдетъ гораздо скорѣе, чѣмъ я думалъ, и потому не могъ приготовить эскизъ съ моей картины, который съ слѣдующимъ курьеромъ вы непременно получите. Прошу отдать письмо здѣсь приложенное къ Бруни, и засвидѣтельствовать ему мое глубокое почтеніе.

За золотую раму вы можете получить деньги изъ посылаемой мнѣ пенсіи, поговорите объ томъ съ Григоровичемъ. Я думаю картину мою оставить на полное распоряженіе Общества; если, однакожъ, Маркова «Фортуна» будетъ представлена Государю Императору, то хорошо бы было и мою пустить въ ту же дорогу: всякое отличіе Маркова отъ меня казаться будетъ для меня обидой.

Нельзя ли будетъ вамъ узнать отъ Григоровича объ отъѣздѣ курьера въ Римъ? Тутъ бы вы могли посылать иногда ко мнѣ грузныя письма, не платя ни копѣйки. Впрочемъ, я не хочу васъ этимъ останавливать отъ извѣщеній о чемъ либо для меня важномъ, какъ напр. послѣднее письмо ваше отъ 6-го октября.

Лапченки зрѣніе чуть-чуть лучше, но нельзя ему быть художникомъ. Знаменитый Кипренскій скончался. Стыдъ и срамъ, что забросили этого художника. Онъ первый вынесъ имя русское въ извѣстность въ Европѣ, а русскіе его во всю жизнь считали за сумасшедшаго, старались искать въ его поступкахъ только одну безнравственность, прибавляя къ ней, кому что хотѣлось. Кипренскій не былъ никогда ничѣмъ отличенъ, ничѣмъ никогда жалованъ отъ двора, и все это потому только, что онъ былъ слишкомъ благороденъ и гордъ, чтобы искать этого. Онъ умеръ, оставя супругу беременною, только съ десятью тысячами рублями. Скажу вамъ еще одну подробность объ немъ, которая пусть останется между нами. Кипренскій, передъ отправленіемъ своимъ въ Петербургъ, лю-

билъ чрезвычайно одиннадцати-лѣтнюю дѣвочку, по имени Марію, и, видя необходимость ѣхать въ Россію, постарался ее вручить въ монастырь на воспитаніе. Любовь—великое дѣло (я это однакожь знаю по разсказамъ, я самъ не былъ влюбленъ никогда). Кипренскій оставилъ все свои выгоды въ Россіи, и ѣдетъ, чтобы быть близко къ своему любимому предмету. Онъ даритъ взрослую Марію двумя тысячами рублями. Бѣдная дѣвица отдариваетъ его прекраснымъ бѣльемъ разнаго рода. Тронутый симъ, нашъ великодушный художникъ рѣшается въ своемъ сердцѣ приобрести ея руку и поклясться у алтаря въ вѣчной и неизмѣнной привязанности. Но тутъ онъ нашель крайнее затрудненіе: настоятели монастыря выдаютъ замужъ воспитанницъ своихъ только за римскихъ католиковъ. Затворы монастырскіе, препятствія ѣхать въ Марсель или Ливорно... Кипренскій перемѣняетъ вѣру, и они тотчасъ обвѣнчаны. Послѣ трехъ мѣсяцевъ, живя въ домѣ Клавдія изъ Лореня, онъ сильно простудился и скончался. Мы, русскіе пенсіонеры, повѣщенные придти на похороны, видимъ ихъ по католически устроенными, и тутъ только узнали о всѣхъ сихъ подробностяхъ, которыя я вамъ сейчасъ и докладываю.

Вы просите, чтобы васъ извѣщать о художникахъ,—извольте. Съ Габерцеттелемъ я меньше всѣхъ знакомъ, слышалъ, что образа его для академической церкви вышли плохи. Марковъ теперь пишетъ картину «Сироты русскія на могилѣ своей матери»—сумасшедшая мысль писать русскія происшествія въ Римѣ! Впрочемъ, онъ не безъ намѣреній. Онъ представилъ сиротами своего брата, старается въ головѣ дѣвицы изобразить сестру,—однимъ словомъ плачетъ въ картинѣ, съ тѣмъ, что когда она будетъ представлена Государю Императору, такъ чтобы за нее выплакать у него копѣйку. Онъ меня не пускаетъ къ себѣ въ мастерскую. Говорятъ, что его картина въ такомъ-же свѣтло-сѣромъ цвѣтѣ, какъ и «Фортуна». Вчера онъ мнѣ сознался, что много пишетъ шифервейсомъ (бѣлилами). Нашъ англичанинъ Иорданъ сквозь свой рисунокъ «Преображенія» глядитъ въ свое безсмертіе. Его рисунокъ хорошъ, лучше всѣхъ, какіе были сдѣланы, но многого въ немъ недостаетъ, особливо женскія фигуры совсѣмъ не имѣютъ

характера Рафаэля. Я мало подвинулъ мою картину, я въ отчаяніи сыскать какой-либо глубокомысленный трогательный эпизодъ для правой стороны,—читаю, читаю, и не знаю, что будетъ. Лебедевъ вчера привезъ изъ Альбано въ Римъ два ландшафта, одинъ изъ нихъ—Кастель Гандольфо—весьма хорошъ. Каневскій недавно выставилъ картину «Царствующій папа совершаетъ св. Тайны въ св. Петрѣ»,—картина была любопытная для публики, въ ней лица всѣ были портреты окружающихъ папу кардиналовъ и другихъ придворныхъ. Вы ее увидите, она будетъ весьма нравиться полякамъ по предмету своему. Обработка ея посредственная, она есть подражаніе Сублиерасу, что въ Эрмитажѣ, во французской галлерей, съ тою разницею, что у Сублиераса первый планъ выходитъ изъ картины, а здѣсь онъ кажется дырками. Онъ теперь началъ большую картину: «Самсонъ спящій въ объятіяхъ Далилы». Живаго копируетъ, въ Болоньѣ, съ превосходнаго и колоссальнаго Гвидо «Милосердіе», а Серебряковъ копируетъ, въ Капитоліи, съ пресквернаго и колоссальнаго оригинала Гверчино. Впрочемъ, я уже о немъ вамъ говорилъ. Веклеръ окончилъ мозаичную копію съ «Преображенія» Рафаэля. Что это за грусть!—Рафаэль въ мозаикѣ! Это будетъ совершенное несчастіе, если у насъ въ церкви св. Исакія всѣ картины будутъ мозаичныя. Объ архитекторахъ не скажу ни слова, ибо мало понимаю тамъ. Вотъ и все объ русскихъ. Изъ новѣйшихъ иностранцевъ теперь отличается англичанинъ Вильемсъ—картиной своей, представляющей «Праздникъ св. Лучіи въ Неаполѣ». Картина небольшая, но много занимательная, для зрителя; всѣ соглашаются называть большимъ талантомъ г-на Вильемса. Овербекъ еще не показывалъ свой «Фонтанъ христіанскихъ художниковъ». Кругомъ Рима холера и мы ожидаемъ ея сюда.